

Цветаева Марина
(к 110-летию)

9.10.02

Моск. правда. — 2002. — 9 окт. — с. 7

«И дарю тебе свой колокольный град...»

К 110-летию Марины Цветаевой

**«Напиши мне о летней Москве.
Моей до страсти - из всех -
любимой».**
**М. Цветаева из письма
к Б. Пастернаку.**

Она родилась в 1892 году в центре Москвы, где улицы, изгибаясь, избегали на холмы. На пригорках стояли церквушки. Родилась в полночь. Зарождался воскресный день, и вскоре певучий благовест ближайшей церкви возвестил прихожанам о праздничной службе. Вслед ему откликнулись ближайшей колокольни, и все шире по Москве разбегалась волна радостного колокольного звона. Во многих стихах Марина Цветаева будет обращаться к этому праздничному дню, заглядывая до самого-самого доньшка в колодец своей памяти: «В колокольный я, во червонный день Иоанна родилась Богослова. Дом - пряник и вокруг - плетень и церковки златоглавые»; или строчки широко известные, ставшие крылатыми: «Красною кистью рябина зажглась. Падали листья. Я родилась. Спорили сотни колоколов».

Московский колокольный звон, от которого воздух дрожал, как первый отклик, от которого она встрепенулась. У Марины с младенческих лет был отмечен особый дар воспринимать мир через звук. Уже позже она сама призналась, что прежде чем увидеть событие, явление, она ощущала его звуковую ауру, мерцание воздуха, потом цвет. И Москву, как древний град, она ощущала прежде всего через колокольный звон. Этот звон льется отсюда, откуда снег, дождь, облака - с высоты: «Над синевою подмосковных роц накрапывает колокольный дождь». Над ее Москвой всегда звуковое облако, легкое и вольное. Но колокольный звон не только нисходит с высоты, он - и символ полета, возвышенности душевной.

Вспомним, что тогда в старой России церковный мелодичный торжественный звон сопровождал человека всю жизнь, вещал о радостях и печальных событиях, служил своеобразными часами. Ибо созывал православных на службу в церковь. «И любила - же, любила - же я первый звон как монашки потекут к обедне, вой в печке и жаркий сон и знахарку со двора соседнего». Это - детские впечатления. Марине Цветаевой повезло. Ее детство и юность прошли в старомосковском месте, «где даже не подготовленный человек воспринимает всеми своими чувствами прошлое Москвы». Трехпрудный переулочек, дугообразный, по-московскому извилистый - неподалеку от Патриарших прудов. Конечно, ныне нет здесь ничего похожего на Мос-

кву начала XX века. А тогда коренные москвичи называли это место «Три прудка». Место было живописное. Петляющие улицы, небольшие холмики. На них церквушки. На площадях, поросших травой и цветами, соборы.

Позднее, когда Цветаева будет выбирать дом для жизни в Москве, она будет искать старинные дома, похожие на городскую усадьбу в Трехпрудном, и места, связанные с былым, с древней историей. И цветаевская Москва - это образ древнего города, это Москва «сорока сороков» церковью, где «зарей в Кремле легче дышится - чем на всей земле!» или: «ты постой

право! И погибаете Вы, Томных прабабушек слава, домики старой Москвы!»

А в начале 1916 года она ощутила, что московская старина уходит, исчезает: «Начало последнего года старого мира. Разгар войны. Темные силы». И признавалась: «Я хочу воскресить весь тот мир - чтобы все они не даром жили и чтобы я не даром жила!» И в 1916 году она создает знаменитые «Стихи о Москве». Свое любимое - она дарит любимым. «В певучем граде моем купола горят и Спаса светлого славит слепец бродячий... И я дарю тебе свой колокольный град - Ахматова! - И сердце свое в придачу». Цвета-

чем даже Лермонтов и Е. Ростопчина. Ее строки звучали как вызов: «Царю Петру и вам, о царь, хвала! Но выше вас, цари: колокола. Пока они гремят из синевы - Неоспоримо первенство Москвы - И целых сорок сороков церковью смеются над гордынею царей!» Для нее Москва - нерукотворный град, в отличие от Петербурга, который создан по линейке и циркулю. Древняя столица, как и образ ее жизни, размашистей, стихийнее, полна вольного смещения архитектурных стилей и близка к живой стихии языка. И она дарит петербургским поэтам: «И Спасские - с цветами ворота, где шапка православного снята, Часовню звездную - приют от зол, - где вытертый от поцелуев пол... Червонные возблещут купола, бессонные взгремят колокола». Нет, недаром она признавалась, что Москву ощущала «памятью и кровью». Она дарила Москву, бесценную своей уникальной своеобразной стариной, Ахматовой, петербургским поэтам. Она подарила нам дивный поэтический образ древнего града московского.

Увы, цветаевская красочная колокольная Москва ушла в небытие, как град Китеж, и будем благодарны Цветаевой, что она увековечила Москву своего детства и юности в стихах. Марина с дочерью уезжала уже из иной Москвы - весной 1922 года. «От века поэты корки черствы, и дела нам нету до «Красной Москвы!» Голос Цветаевой звучит иначе, непривычно жестко: «Где кресты твои светлые? - Сбиты. Где сыны твои, Москва? - Убиты». И когда проезжали белую церковку Бориса и Глеба, вскоре снесенную, Марина сказала дочери: «Перекрестись, Аля» и перекрестилась сама. Так и крестилась всю дорогу на каждую церковку, прощаясь с Москвой, а провозжал ее на чужбину знаменитый московский колокольный звон, на который она встрепенулась еще в колыбели. Может быть, один из последних в новой советской красной Москве.

Дилара ЕНИКЕЕВА.

8 октября в столь хорошо знакомом многим москвичам Борисоглебском переулке, в Доме Марины Цветаевой прошел вечер, посвященный десятилетию ее московского музея. Открылась выставка из фондов музея: «Время, я тебя миную». 9 октября в день Иоанна Богослова, который сама Марина Цветаева называла всегда днем своего рождения, начнется работа 10-я Международная цветаевская конференция: «Марина Цветаева в русской культуре XX века».

Марина Цветаева с сыном.

гоевой, не сурьми бровей, и все сорок - что сороков церковей - исходи пешком - молодым шажком! - Все привольное семихолмие». Москва строилась на семи холмах, как и Рим, и сходство подчеркивает важность и древность Москвы. И Цветаева ощущала себя живой частью этой Москвы, а Москву - своею частью. Только она писала: «У меня в Москве - купола горят! У меня в Москве - колокола звонят! И гробницы в ряд у меня стоят, - В них царицы спят, и цари».

Цветаева в начале XX века болезненно воспринимала разрушение домиков старой Москвы. На их месте встали, рвущиеся своими этажами ввысь, доходные дома, зданья бирж... «Домики с знаком породы, с видом ее сторожей, - Вас заменили уроды, - грузные в шесть этажей. Домовладельцы - их

ева поясняла: «если бы я могла просто подарить ей - Кремль, я бы наверное этих стихов не написала». В мире Цветаевой «просто Кремль» - как подарок не имеет никакой цены. А стихи о любимой Москве - это царский подарок.

Вскоре «Стихи о Москве» появились в петербургских «Северных записках». И произвели огромное впечатление на петербургских читателей. И хотя в Петербурге уже тогда болезненно ощущали «конец имперского периода» и ревниво оглядывались на первопрестольную. Но над цветаевским циклом «ахнули» и петербургские поэты, парнасцы - «над прелестью, над неожиданностью ее Москвы». Книжка журнала ходила по рукам. Хотя в вековом соперничестве Москвы и Петербурга Цветаева более пристрастна,